

Глава 28

Либеральные демократы в эмиграции

В этой главе я хочу представить коллективный портрет немногочисленного сообщества либеральных демократов в русской эмиграции. Сообщество это представляется мне наиболее интересным, так как имеет прямое отношение к развитию России после 1991 года.

К либеральным демократам я отношу группу Павла Литвинова — Бориса Шрагина, индивидуалов Валерия Чалидзе, Людмилу Алексееву, Валентина Турчина, Бориса Орлова. Это в Америке. А в Европе — группка Андрея Синявского, индивидуалы Кронид Любарский, Лев Копелев, Ефим Эткинд, Борис Вайль, Анатолий Левитин-Краснов, Александр Гинзбург, бесприютные «анархисты» Виктор Файнберг, Владимир Борисов и Альбина Якорева, одной ногой в либерал-демократах стоял и Владимир Буковский (другой ногой — в авторитарно-националистическом клане Максимова).

Я в этой раскладке попадал в число индивидуалов, а по политическому критерию — был на левом краю, хотя в эмигрантских сообществах из развитых восточноевропейских стран (Чехословакия, Польша, Венгрия) я был бы в левом центре и не ходил бы в «индивидуалах»: в упомянутых эмиграциях было много моих единомышленников.

Но к делу. Приведу сжатый обзор, мозаику взглядов либерал-демократов.

Борис Шрагин в своей книге «Противостояние духа» пишет:

«Интеллигент в России — это зрячий среди слепых, ответственный среди безответственных, вменяемый среди невменяемых», «...массы же — слепы и безответственны».(Лондон: ОПИ,1977.С.216)

Интересно, что почти все политэмигранты из ЧССР, Венгрии или Польши, говоря о наших либеральных деятелях (и не только в эмиграции), подчеркивают в первую очередь их безответственность (в высказываниях и действиях)!

Шрагин же, исходя из своих взглядов на интеллигенцию и «массы», делал вывод, что либеральным интеллигентам нет смысла добиваться идейного влияния на «массы». Рельефным выражением этой концепции представляется мне ответ Шрагина итальянскому журналисту. Тот спросил Шрагина, почему советские диссиденты-демократы не идут к рабочим, не пытаются их привлечь, не включают в свои требования соблюдение прав рабочих? И Шрагин дал такой ответ:

«Милый, ведь было все это в нашей истории, ведь нынешний режим и установлен в результате действий «партии нового типа», которой удалось возбудить недовольство рабочих и крестьян, чтобы опираясь на него захватить власть. Невозможно приниматься за одно и то же дважды».(Там же.С.15.Выделено мною.—В.Б.)

Бессмысленно, думаю, даже обсуждать это странное, мягко говоря, мнение, находящееся по ту сторону логики и здравого смысла. Подчеркну только, что говорилось это после событий Пражской весны, ставших возможными исключительно благодаря единению интеллигенции и народа.

В журнале «Сучасность» (1979, № 1) высказывается Борис Вайль, заявлявший себя сторонником демократического социализма. Он пишет, что советские рабочие в массе приемлют существующий режим, так как они-де «исправно голосуют на выборах за «блок коммунистов и беспартийных» и они же в солдатских шинелях оккупировали Венгрию и Чехословакию».

И писалось это после серии массовых выступлений и забастовок советских рабочих, прокатившихся по стране на рубеже 60-х годов, апогеем которых стала забастовка и демонстрация в Новочеркасске (1962), жестоко подавленная войсками КГБ. По моим данным, такие выступления состоялись в тот период в 14 городах СССР.

Но это не помешало другому либеральному диссиденту, Юрию Глазову, писать в эмигрантской прессе:

«Ругают власть в России от мала до велика, но за исключением нескольких сот смельчаков, в той или иной мере пытавшихся отстоять в стране справедливость и гуманное отношение к людям, простой советский человек ничего делать не хочет. Он к советской власти относится точно так же, как простой мужик обливает грязью свою собственную жену: отругав ее в кругу друзей на чем свет стоит, он на ночь все же возвращается домой и ложится с ней спать!» (Русская мысль.1972.8.06)

Даже уважаемый мною Григорий Померанц называл рабочих «классом двоечников» («Люди воздуха».) Значит, плохо учились — пришлось пойти в рабочие. Как надо далеко находиться от реальной жизни, чтобы такое говорить! Большинство рабочей молодежи вынуждено было зарабатывать на жизнь уже смолodu, с 16—18 лет, а там — армия, и — поехало! А главное, как можно так пренебрежительно относиться к рабочему труду, без которого пока что нельзя обойтись ни в одной сфере экономики? И рабочие специальности становятся все более творческими, и у рабочих почти всегда есть сознание того, что они делают необходимые людям вещи. В отличие от многих интеллектуалов, неизвестно чего ради просиживающих штаны.

Напомню и о «классическом» высказывании высокопоставленного интеллектуала из клана Синявских — Игоря Голомштока: «Если народ взбунтуется, я возьму автомат и буду стрелять в него вместе с КГБ, потому народ — всегда и везде враг культуры!».

Замечательно сформулировал кредо диссидентов-либералов Борис Хазанов в журнале «Страна и мир» (1984. № 1—2), который он помогал составлять К. Любарскому:

«От одного наследственного недуга она (интеллигенция), по-видимому, исцелилась: от веры в «народ». Мучительный роман русской интеллигенции с народом окончен... она начинает ощущать себя истинным субъектом истории. И если для этой страны осталась какая-то надежда, то эту надежду надо связывать с интеллигенцией» (с. 162).

Кроме всего прочего, автору этого утверждения, видимо, было невдомек, что с «окончанием такого романа» кончается и сама интеллигенция, теряет право называться таковою, ибо всегда и везде (не только в России) интеллигенцию (в высшем смысле этого понятия) отличает то, что она всегда имеет целью — помощь своему народу. Да, старая русская интеллигенция, впадая в фатальную крайность — в преклонение перед народом, действительно видела субъектом истории только его, но при этом она все-таки оставалась интеллигенцией!

А вот взгляд на российских либеральных диссидентов со стороны. Уже знакомый нам Эдуард Гольдштукер, бывший до августа 68-го председателем Союза писателей Чехословакии, специалист по Кафке, т. е. самый что ни на есть рафинированный интеллигент, рассказывал в беседе с Джорджем Урбаном для «Свободной Европы»:

«В 68-м году мы, чехословацкие коммунисты, чьи собственные связи с народом были весьма тесными, с чувством потрясения увидели, что советские руководители боятся русского народа, но что было еще более ужасно, мы обнаружили, что и многие советские инакомыслящие

тоже живут в страхе перед своим народом! Они представляют себе этот народ как какую-то темную, анархическую массу: этот «темный народ» — своеобразная лава, которая затягивает и топит вас, если вы не защищаетесь от нее барьерами.

Весь мир потрясла борьба профобъединения «Солидарность», созданного польскими рабочими с помощью знаменитого КОРа — Комитета защиты рабочих, в который входила элита польской интеллигенции (не внявшей предостережениям Бориса Шрагина), но советские интеллигенты-«демократы» даже и не подумали о создании чего-либо подобного. Зато группа ведущих диссидентов, включая Сахарова, написала в августе 80-го в приветствии к польским рабочим: «Ваша борьба восстанавливает честь рабочего класса» (выделено мною. — В. Б.). Честь какого рабочего класса — польского или мирового? И когда это он свою честь потерял? И в чем это проявилось? Уверен, что Сахаров дал согласие на подпись из Горького, где он тогда уже находился в ссылке, не видя текста приветствия. Ему был чужд любой шовинизм, включая классовый.

Так что вот — при таком отношении к народу, к рабочим, какое вырисовывается из приведенной выше мозаики взглядов, никакой иной демократии, кроме как «управляемой», российская интеллигенция вкупе с не потерявшим своей чести номенклатурным классом построить не могла. (Класс этот, надо полагать, и друг культуры!)

На закуску приведу еще два «эксклюзивных» высказывания. Вскоре после приезда на Запад мне довелось участвовать в собрании группы либеральных эмигрантов в редакции парижской газеты «Русская мысль». Зашел, разумеется, разговор о будущем России, и ленинградский поэт Василий Бетаки (постоянный автор «Русской мысли» и «Континента») сделал следующее заявление: «Рабочие всегда опора коммунизма или фашизма, и в будущей России их надо загнать вниз, на галеры! Дать им туда телевизоры и прочие блага, но держать их внизу!».

Я вспомнил об этом «демократическом» высказывании много лет спустя, когда прочел слова Егора Гайдара, сказанные им в Верховном Совете незадолго до его разгона: «Правительство только должно обеспечить социально слабым слоям выживание, понимаемое очень просто: чтобы не умерли с голода и чтобы не убивали».¹

Это было сказано в оправдание уменьшения минимального прожиточного уровня в 2,5 раза, чтобы сократить расходы государства. Как видим, наш главный либерал обошелся и без погрузки на галеры «телевизоров с прочими благами»!

И еще одно основополагающее мнение — Владимира Буковского. В передаче на «Свободе» он рассказывал о своих впечатлениях от жизни на Западе, в Великобритании, где он поселился. Лейтмотивом его выступления была мысль-наблюдение, что в Англии нет настоящего капитализма, а существует какой-то неудобоваримый гибрид капитализма с социализмом. Буковский привел тому несколько примеров, один из которых врезался мне в память. (Этот текст был им потом опубликован). Буковский купил дом, но забыл вовремя заказать для него топливо. Приближались холода, и Буковский, спохватившись, связался с фирмой, поставляющей топливо для частных домов. Но там ему ответили, что на ближайший месяц весь график поставок мазута уже забит. Тогда Буковский предложил большую, чем обычно, плату за топливо. Но фирма отказалась пойти на это: «Мы не можем оставить без топлива кого-либо из наших клиентов, уже его заказавших!». Буковский предложил еще больше денег — не помогло. «И это у них называется капитализмом!» — возмущался Буковский.

¹Московские новости.17.10.1993

Вот вам и истоки российского капитализма! Наши либеральные диссиденты, очевидно, представляли себе капитализм по советской контрпропаганде, меняя только знак минус на плюс.

Характерной особенностью либералов было и почти полное отсутствие какого-либо конструктива во взглядах на будущее России. Почти все статьи и книги либералов были посвящены анализу советского прошлого и настоящего в духе Бердяева, «Вех» — анализу, иногда не лишённому интереса, а чаще представляющему собой переливание из пустого в порожнее.

Не будет преувеличением сказать, что все эти люди шли вперед — с повернутыми назад головами. Примером такого рода является сборник статей «Самосознание», выпущенный в Америке группой либералов, под редакцией П. Литвинова, Б. Шрагина и Меерсона-Аксенова.

Характерным для этих людей было и отсутствие интереса к тому, что происходит в мире вне границ Советского Союза, в том числе и в его восточноевропейских сателлитах.

Все это, как теперь хорошо видно, оказалось характерным и для большинства российской интеллигенции. Иначе и быть не могло: эмиграция и ее страна — сообщающиеся сосуды.

Соответствовали интеллектуальным и моральные качества большинства либеральных эмигрантов. Они, к примеру, комплексно проявились в случае с гибелью Амальрика!

Либералы, в отличие от авторитарных националистов, были совершенно не способны к объединению и созданию относительно многотиражной прессы. Каждый в этой среде считал себя генералом, и никто не соглашался быть хотя бы полковником, каждый видел себя выше всех.

Конечно, если бы среди именитых либеральных эмигрантов нашелся энергичный человек, приискал бы богатого спонсора (как это удалось, к примеру, Максиму) и создал солидный журнал или газету, то вокруг него стали бы налипать, роиться и другие либеральные эмигранты. Куда денешься, когда печататься хочется — иметь место под солнцем известности? Но, как я уже говорил, таких энергичных не нашлось.

В конце 70-х годов я предложил Шрагину объединиться для создания журнала, так как в Германии у меня забрезжил какой-то грант. Шрагин с радостью согласился. Потом к нам присоединился и выехавший на Запад, в Рим, Валентин Турчин. При этом, чтобы не ущемлять ничьих амбиций, я предложил каждому по очереди возглавлять редакцию, через один или два номера. Но когда Турчин переехал на постоянное жительство в Штаты, Шрагин уговорил его отделиться от меня. В свое оправдание Шрагин написал мне, что моя «интерпретация русского национализма, увы, отдает едва прикрытым русофобством». Либерал Шрагин не постыдился использовать против меня жупел русских нацпатриотов! И Турчин, умный человек, поддался уговорам Шрагина.

Шрагин с Турчиным отделились от меня. Но вскоре затем отделились и друг от друга: Шрагин стал пытаться подмять Турчина под себя. Журнал лопнул, не открывшись.

Позже, уже в начале 80-х либеральные эмигранты попытались объединиться и в Европе: супруги Синявские, Эткин, Любарский и кто-то еще, не помню. В Америке им, главным образом под имя Синявского, был обещан грант для журнала. Однако Любарский улетел в Америку и там исхитрился забрать этот грант в свое единоличное пользование (!) — для своего журнала «Страна и мир». Его бывшие компаньоны были вне себя от гнева, называли это воровством и, естественно, отказались сотрудничать в журнале Любарского. В результате жур-

нал стал весьма серым явлением, несмотря на большие журналистские способности самого Любарского. В одиночку хорошего издания не создать.

«Кинутые» Любарским либералы попытались создать малотиражный журнал на узкой базе семейного издательства Синявских. На-звали журнал гордо: «Трибуна» — и декларировали свободный доступ на эту трибуну людям разных взглядов и групп. В редколлегию журнала вошли Синявский, Эткинд и Егидес из Европы и Литвинов со Шрагиным из Америки.

В предисловии к первому номеру члены редколлегии писали:

«И тут получается самое страшное. Наша эмигрантская печать подвергает цензуре произведения, которые на ее вкус слишком «левые». Наши соотечественники сегодня часто идут в тюрьму за идеи, статьи и книги, которые равно отвергаются и советским официозом, и эмигрантским официозом. И тот и другой пытаются создать впечатление, будто ни этих идей, ни этих статей и книг не существует» (Б. Шрагин).

«Нынешняя печать (эмиграции) не признает элементарных принципов гласности. Она имитирует терпимость, будучи в основе своей свирепо нетерпимой. Она публикует лишь то, что соответствует ее представлениям. ...Новое издание («Трибуна») должно предоставить свои страницы этим другим голосам, которые до сих пор были обречены на молчание» (Е. Эткинд.)

И в «Трибуне» один раз (в №3) напечатали даже мою статью о борьбе «Солидарности» за самоуправление. (Вопреки сопротивлению Эткинда, который уверял коллег, что статья очень плохо написана!)

Но «Трибуна» просуществовала не больше полугода. В шестом номере супруги Синявские (или Розанова?), не советуясь с другими членам редколлегии, поместили статью П. Егидеса, содержащую грубые нападки на Льва Копелева, который, видимо, чем-то ущемил амбиции Розановой и Егидеса. После этой публикации Павел Литвинов, который был зятем Копелева, вышел из редколлегии, вслед за ним вынужден был уйти и Шрагин. И «Трибуна» приказала долго жить.

На этом либералы полностью иссякли.

Скажу попутно еще несколько слов о супругах Синявских. Это была очень странная пара. Сам Синявский после разрыва с Максимовым занял, как я уже говорил, вполне пристойную политическую позицию, смело выступал против Солженицына, Максимова, НТС, за что был подвергнут ими остракизму. Но в то же время в эмигрантском «быту», так сказать, поведение супругов было часто попросту аморальным.

Вот как я писал об этом в письме к Людмиле Алексеевой:

«Синявские — одни из тех, у кого напрочь отсутствует уважение к личности «неноменклатурной»; они позволяют себе ходить передо мной в таком неглиже (этическом), которое мне и в дурном сне не могло присниться. Я и попался на их удочку именно из-за того, что не мог ожидать такой беспардонности».

Поясню на примерах. В 76-м году я написал обращение в защиту Михайло Михайлова, известного югославского диссидента, статья которого входила в сборник «СССР — демократические альтернативы». Михайлов был тогда арестован (во второй раз) в Югославии. Вместе со мной подписал обращение Анатолий Левитин-Краснов, и мы пустили его на подпись другим эмигрантам. Но письмо сразу попало в «Континент», где его подписали Максимов, Некрасов, Галич и Синявский и передали в прессу, русскую и французскую. И письмо было

опубликовано, но без моей и Левитина подписей! Позднее выяснилось, что наши подписи отрезала Мария Розанова, супруга Синявского. Зачем, почему? Не знаю. Скорее всего, почла недостойным для ее супруга подписываться рядом с нами. Согласовала ли она это «обрезание» с мужем и с Максимовым, тоже не знаю. И тут есть еще такая деталь: Левитин-Краснов мало того что был ветераном правозащитного движения, бывшим политзэком, серьезным церковным писателем и очень добрым человеком, так он еще в свое время был и школьным учителем Розановой по литературе!

Прошло много лет. Разразился скандал с отказом советских властей разрешить Е.Г. Боннэру выехать за границу для лечения глаз. Я написал обращение в ее защиту, пустил его на подпись. И вдруг звонок из Парижа — Марии Розановой, к которой пришло мое обращение, уже подписанное многими.

— Белоцерковский, вы знаете, что я тоже литератор?

— Знаю...

— А вы заметили, что я никогда не ставлю своей подписи рядом с подписью Синявского? Считаю это нескромным для себя!...

— Ну а вы замечали, — спрашиваю я, — что в России Синявский подписывал правозащитные документы вместе со мной и многими другими столь же незначительными людьми?

Мадам Розанова «намеком» поняла и стала выкручиваться, что все равно, мол, будет эффективнее, если появятся два отдельных обращения: правозащитников (т. е. наше) и «писателей». Я, естественно, согласился, мы свое письмо опубликовали, но никакого «писательского» обращения так и не появилось!

Позже я уяснил подоплеку из уст самой Розановой. Она считала Синявского по «партстажу» (!) и диссидентским заслугам выше Сахарова и очень не любила Е. Боннэра.

Прошло еще несколько лет. Синявский оказался, как и обещал Максимов, в полной изоляции и под градом многообразной клеветы. И опять раздался звонок Розановой, которая стала агитировать меня забыть все обиды и распри и «объединиться во имя!». Жаловалась, как плохо им приходится, как клеветают на них «национал-патриоты» и как необходимо иметь «нам с вами» периодический печатный орган. (Это было уже после развала «Трибуны»). Я внял ее призыву, и тогда она как бы между прочим попросила меня свести Синявского с Беллем, с которым у Синявского не было никаких отношений после того, как он в 74-м вместе с Максимовым выступил в прессе с хамской отповедью Беллю и Грассу (о чем я уже писал). Вдруг Белль, предположила Розанова, сможет «помочь нам найти средства для журнала!». И вообще хорошо будет наладить с ним контакт и сотрудничество. И предложила вместе посетить Белля.

Я согласился. Договорился с Беллем, что Синявские позвонят его секретарю, установят время встречи и мне сообщат. Никакого сообщения не последовало. От секретаря Белля я потом узнал, что Синявские приезжали к Беллю и передали ему от меня привет, сказали, что я по какой-то причине не смог приехать с ними. Никаких отношений у них с Беллем не сложилось.

Многие в эмиграции считали, что во всем плохом виновата Розанова, а Синявский тут ни при чем, и человек он хороший. Но я долго оставался при мнении, что он должен нести ответственность за поступки своей супруги. Однако недавно, уже после смерти Синявского, я подумал, что нельзя, наверное, семью равнять с государством, а главу семьи — с президентом! В реальной жизни, в семьях встречаются самые удивительные симбиозы.

И еще один характерный случай. Лет через 5 после того, как лопнул журнал «Трибуна», готовилась к выходу моя книга «Самоуправление» (начало 1985 года), и я предложил ее важнейшие главы Любарскому для его журнала «Страна и мир», который оставался тогда единственным демократическим органом в эмиграции и худо ли бедно, уходил в Россию. Прочтя предложенные главы, Любарский неожиданно сделал мне великий комплимент: «Твои идеи опаснее марксизма-ленинизма!». И по этой причине он печатать главы отказался. При этом он прекрасно знал, что в эмиграции никакой другой журнал их заведомо не напечатает. Анита, присутствовавшая при этом разговоре, попыталась было урезонить Любарского, но я попросил ее не унижать себя и меня.

В 1993 году, напомним, после разгрома Верховного Совета РСФСР Любарский был введен в состав Конституционного совещания и активно участвовал в разработке авторитарной ельцинской конституции, с помощью которой была ликвидирована демократия в России.

Нравы, господствовавшие в среде либерал-демократов, я определяю как проявление нравственной незыблемости. Важно отметить, что в авторитарно-националистических кругах эмиграции моральный уровень в целом был выше! Там не было такого обложного предательства, существовала какая-то солидарность, взаимопомощь, ответственность.

Хочу еще отметить, что в среде либерал-демократов господствовало кредо, сформулированное Галичем: «Бойся того, кто знает, как надо!». Этим стихом гвоздили любого эмигранта, который пытался высунуться со своими идеями. Люди, выступавшие за свободу слова и мысли, на деле — запрещали всем вокруг себя мыслить! У меня нет идей, и у других их не должно быть! И причина этого была проста: диссидентов в эмиграции перестала интересовать судьба «их борьбы», во имя которой они стали диссидентами. Может быть, потому, что они не верили в возможность когда-нибудь вернуться на родину. Но у чехов и словаков тоже не было надежды на возвращение, однако атмосфера у них была совсем иная — человеческая.

В заключение приведу фрагмент из еще одного моего письма Людмиле Алексеевой (от 23 августа 1980). Речь там шла о рабочем диссиденте Валентине Иванове, выбравшемся каким-то образом на Запад. Он некоторое время кантовался в эмиграции, а потом в «Литературной газете» появилось за его подписью покаянное письмо. Стало ясно, что он хочет вернуться. И я писал по этому поводу:

«Я видел его один раз, брал интервью, но разглядел хорошо. Он произвел впечатление сильного, умного, гордого, но и закрытого человека, и очень одинокого. Такому, наверное, везде трудно жить, тем более в эмиграции, да еще в США. И я, конечно, не оправдываю его, однако предполагаю, что будь он, скажем, чехом и попади в их эмиграцию, трагедии бы не произошло. Нашлось бы человеческое участие вместо чванства и хамства. Ведь вот и я при самом спокойном размышлении большинство диссидентов в эмиграции определяю как УБИЙЦ: вольно или невольно они своим поведением убивают надежду, мечту, которыми мы все по определению живем, повергают в одиночество, в бездействие. Очень много сил надо, чтобы выстоять».

Это писалось за два месяца до гибели Андрея Амальрика.

Георгий Владимов на Западе

Владимова нельзя отнести к либерально-демократическому кругу новой эмиграции. Большую часть времени на Западе он провел, сотрудничая с НТС, заявляя себя просвещенным, так сказать, национал-патриотом. Но я должен удовлетворить любопытство читателей и почитателей Владимова, разожженное, подозреваю, нашей перепиской с Довлатовым.

В письме от 28 марта 1986 года я писал Довлатову:

«При всем том Жора очень обаятельный, атрактивный человек. Это, наверное, главное в его успехах. Он привлекательней, чем его произведения! И причина, видимо, в том, что он — особый тип эгоцентрика, свободного от наших внутренних комплексов, рефлексий. Фрейд замечательно сравнил, что обаяние подобных людей имеет общие корни с обаянием кошек! «Каждый сам ему приносит и спасибо говорит!» Это о Жоре!».

Таким остался Владимов в моей памяти, когда я покинул страну. Но на Запад он прибыл иным человеком: солидным, с размеренной речью и взглядом сверху вниз — «живым классиком», «памятником самому себе». В этом амплуа ему очень хорошо ассистировала его жена Наталия. Впрочем, она и в Москве выступала в той же роли — жены большого писателя.

Владимов прибыл на Запад и в ином политическом качестве — национал-патриотом, разумеется, просвещенным. В Москве он сблизился с «рехтс-радикалом» Леонидом Бородиным и, как вскоре выяснилось, с НТС — то ли вступил, то ли стал «беспартийным солидаристом». (Членство в партии у них часто держится в тайне, как в масонских ложах.) Такая метаморфоза поначалу показалась мне неожиданной. В Москве Владимов был нормальным сторонником демократии, далеким от русского национализма (тем более сам был полуевреем!), но потом я вспомнил высказывание Виктора Некрасова, что пристрастие Жоры к героям «с сильной шей» — индивидуалистам-эгоцентрикам — пахнет фашизмом, и понял: почва для трансформации существовала!

Но несмотря ни на что мы с Анитой встретили Владимова и Наталию как нельзя лучше: все-таки мой старинный друг! Повезли в горы, водили по Мюнхену. На торжественный обед пригласили и Джона Лодизина с женой Пегги, с которыми, как помнит читатель, Владимов водил рискованную дружбу в Москве и получил от Джона в подарок зажигалку с зашифрованной надписью, по которой американские военнослужащие и сотрудники спецслужб тотчас узнают, что владелец зажигалки — друг США!

Мы с Джоном предупреждали Владимова, чтобы он не связывался с НТС, и он божился, что не намерен этого делать. Но уехал во Франкфурт, где обосновался по приезду (и где располагалась штаб-квартира НТС), и вскоре заступил в должность главного редактора «Граней». Элементарно врал нам, с НТС у него уже все было обговорено еще в Москве.

До отъезда Владимов прочел мой последний рассказ («У озера») и уже из «Граней» попросил его прислать для публикации. Я послал, пускай и в «Гранях», но ведь под редакцией Владимова! Как я уже говорил, он и тут обманул меня: стал волынить, а потом, защищаясь от моего предположения, что не хочет печатать под давлением НТС, сказал что-то насчет того, что он евреев печатает больше нормы!

Постепенно наша переписка сошла на нет. А тут еще Владимов опубликовал главы из своего нового романа «Генерал и его армия», в которых прославлял генерала Власова.

Потом произошла моя битва с высшим начальством на «Свободе», закончившаяся увольнением. Георгий, разумеется, молчал.

Потом и его выставили из «Граней» и из НТС. По его объяснению, энтээсовцы начали встревать в его работу, мешать ему, учредили что-то вроде комиссара при нем, он стал противиться и — получил уведомление об увольнении.

По объяснению со стороны НТС, Владимов якобы нарушал «главный принцип НТС — делать русское дело русскими руками».¹ То есть слишком много, видимо, печатал в журнале нерусских авторов.

Вот тогда-то Довлатов, узнав об увольнении Владимирова, и пожалел его и мне посоветовал пожалеть:

«Позвони ему или напиши. Он там как следует один. Жена в его случае не считается. Она, вероятно, очень милая, но какая-то не совсем уравновешенная.

Будь здоров и продолжай молодеть. И не забывай смазывать лыжи. От души желаю тебе всяческих удач» (письмо от 19 марта 1986 года).

Здесь я сделаю маленькое отступление. Довлатов, как и большинство российских людей в эмиграции, страдал, хотя и в относительно слабой степени, преклонением перед авторитетами. Недостойных людей без ореола славы он припечатывает без оглядки. Но если у недостойного был ореол, он пытается его вопреки всему защищать.

После увольнения Владимирова из «Граней» и НТС в либеральных кругах эмиграции поднялась буря: «Произвол! Нарушение прав! Владимов должен быть восстановлен!». Письмо с таким требованием подписало большинство известных деятелей русской культуры на Западе, в том числе Аксенов, Бродский, Галина Вишневская, Любимов, Некрасов, Неизвестный, Тарковский. Особенно активно защищал Владимирова Лев Копелев. Диссонансом прозвучала лишь статья Кронида Любарого. Что вы делаете, писал он, надо радоваться, что Владимирова выставили из НТС, а не добиваться его возвращения в эту недостойную организацию!

Разгромную статью об НТС написал и сам Владимов («Необходимое объяснение»), со знанием дела показав, что НТС — фактически настоящая мафия, семейное предприятие, получающее неплохие доходы от «борьбы с коммунизмом» и имеющее подозрительный «закрытый сектор» из крепких молодых людей.

Я написал Владиминову, пригласил его в гости, познакомил со своим адвокатом — Владимов собирался идти в суд, требовать от НТС выплатить ему выходное пособие, — но он и Наталия стали еще более, чем раньше, спесивыми, капризными. Я сказал Владиминову (по телефону), что пишу для издательства «Хердер» по заказу Вольфганга Леонгарда публицистические мемуары (которые я частично сейчас использую) и что скорее всего назову их: «Что ждет Россию?». И вдруг услышал, как Владимов высокомерным, ядовитым тоном, с расстановкой спросил меня: «И что же ждет Россию?». Мол, какое ТЫ (нерусский человек) право имеешь о будущем РОССИИ судить?! Потом Владимирова не удовлетворил мой адвокат, и вроде бы я оказался виноватым, что рекомендовал его. Владимовы с тех пор перестали мне звонить.

Тем временем появилась в печати новая глава из «Генерала и его армии», в которой описывалось противостояние Власова и немецкого генерала Гудериана. В решающую минуту Гудериан не решился рисковать жизнями своих солдат, а Власов — решился и выиграл. Я понял: Жора после разрыва с НТС стал переделывать роман под немецких издателей! (Того, что большинство немецких издателей отпугнуло бы восхваление гитлеровского генерала, Влади-

¹Редакционная статья Е.Миркович. Грани.1968.№140

мов, видимо, не понимал!) А во времена перестройки мне довелось услышать, что появилась еще одна трактовка романа, но я не стал ее читать. Это уже становилось однообразным.

Ушла в мир иной жена Владимирова Наталия, да будет ей земля пухом! Грустно, конечно, что мы разошлись. Кажется, Сомэрсет Моэм сказал, что самое страшное — это не то, что жизнь проходит, а то, что любовь проходит! То же самое можно сказать и о дружбе.